

Медиастиль и его интенционально-нарративная структура

НАТАЛЬЯ И. КЛУШИНА
(Москва)

Катастрофическое развитие медиа и медийных технологий как основы современного информационного общества послужило толчком к созданию многих частных научных дисциплин, таких, как медиаэкономика, медиабизнес, медиапсихология, медиасоциология и др. Мы можем говорить о становлении в России *медиалогии* как общего научного направления, объектом которого являются медиа. Мы выделяем как самостоятельную научную дисциплину *медиастилистику*, которая является составной частью как медиалогии, так и стилистики.

Медиастилистика – это самостоятельный раздел стилистики, в котором феномен медиа изучается прежде всего с точки зрения стилистики, с помощью выработанного ею научного аппарата и методологии, с учетом их современного развития и наполнения. Отчетливо наметившаяся сегодня методологическая „интеграция” в стилистике (Гайда 2012) свидетельствует как о сохранении традиции, так и о творческой эволюции этой науки.

Основой стилистики является категория *стиля*. Основой медиастилистики, по-видимому, должна стать категория *медиастиля*. *Медиастиль* понимается нами шире, чем *публицистический стиль*, разработанный в рамках функциональной стилистики. Не отказываясь от выявленных ранее в русской стилистике конструктивных принципов публицистическо-

го стиля (чередование экспрессии и стандарта (В. Г. Костомаров), социальная оценочность (Г. Я. Солганик) и поуровневого описания его речевой системности в рамках функциональной стилистики (М. Н. Кожина)), мы считаем возможным дополнить известное знание современными принципами изучения сложных феноменов.

Поэтому для определения категории *медиастиля* нам важна относительно новая для русистики категория *медиадискурса*.

Мы различаем *медиадискурс* и *медиастиль* как самостоятельные, не сводимые друг к другу и не синонимичные понятия.

Для нас *медиадискурс* – это совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы (газеты, журналы, радио, телевидение, интернет). Медиадискурс можно представить и как часть социального пространства, заполненного актуальными журналистскими текстами. Это тексты на любую тему, созданные профессиональными журналистами и рассчитанные на массового адресата, циркулирующие в определенном медийном пространстве: на газетной полосе, в телеэфире, в интернете и т.п.

Здесь для нас важно подчеркнуть „вещность” медиадискурса. Именно эта „вещность” и „осязаемость” (и не только аудио- или визуальная, зрительная) медиадискурса противопоставлена ментальной сущности стиля, которую так трудно уловить и зафиксировать в конкретных формулировках.

Нам уже приходилось проводить демаркационную линию между *дискурсом* и *стилем* (Клушина 2014):

– Дискурс – это совокупность текстов. Стиль – это и совокупность текстов (например, функциональный стиль), и их отличительная черта. То есть стиль может рассматриваться как система и как имманентный признак / характеристика системы. Стиль организует структурную связность системы и несет целостную информацию о ней.

– Дискурс привносит в текст социальное измерение, стиль – философское и эстетическое.

– Дискурс – это поле практической деятельности. Стиль – теоретический, эстетический, мыслительный конструкт.

Такие же сущностные различия мы находим между медиадискурсом и медиастилем (как частными проявлениями дискурса и стиля).

Но разграничение этих двух понятий не означает отрицания одного из них в пользу другого. Нам представляется необходимым включение в современную теорию медиастилистики как категории *медиастиля*, так и категории *медиадискурса*, т. к. именно через категорию *медиадискурса* можно дать определение *медиастиля*.

Мы понимаем под медиастилем общую отличительную характеристику текстов, функционирующих в медиадискурсе. Медиастиль объединяет, связывает все тексты медиадискурса в единую систему.

То есть *медиадискурс* – это система медиатекстов. А *медиастиль* – особенность этой системы, дифференцирующая ее от других подобных систем. Таким образом, *медиастиль* обеспечивает связность (когезию) медиадискурса и его когерентность, не позволяя системе распасться на отдельные тексты. Медиастиль является объединяющей категорией в системе медиатекстов (т. е. в медиадискурсе) и дифференцирующей категорией (среди множества других систем).

Именно поэтому нам представляется необходимым включение категорий *медиастиля* и *медиадискурса* в понятийный аппарат *медиастилистики*. Более того, мы полагаем возможным, и даже удобным, включение категории *дискурс* (понимаемой как совокупность текстов) в современную теорию „большой” стилистики, поскольку она позволяет скорректировать, уточнить и несколько сузить традиционное понимание *стиля* (как системы и ее отличительного признака), принятое в функциональной стилистике, что делает понятие *стиля* более операциональным.

Медиастиль имеет особую *интенционально-нарративную организацию*, обусловленную особенностями медиадискурса. *Интенциональность* медиастиля раскрывает его *универсальность*, а *нарративная структура* свидетельствует о его *национальном* характере.

Интенциональная структура медиастиля обусловлена реализацией в медиатекстах ведущей дискурсной интенции.

Интенциональный поворот в стилистике, в частности в теории публицистического стиля, привел к описанию стиля через интенциональные категории и затем – к осмыслению новой конфигурации медийного пространства через ведущую дискурсную интенцию (Клушина 2008, Клушина 2013).

На основе ведущей дискурсной интенции мы выделили три субдискурса в пространстве медиадискурса: информационный / новостной субдискурс,

реализующий интенцию информирования; публицистический / тенденциозный дискурс, выделяемый на основании интенции убеждения; дискурс развлечения сформирован вокруг интенции развлечения.

Эти интенции определяют выбор журналистом стилистических средств для реализации своего творческого замысла. Выбор – основная задача именно стилистики. И выбор априори креативен. Но креативное стилистическое поведение журналиста ограничивается заданным форматом издания, его типологической нишей (качественное, массовое или желтое издание), его идеологией (в широком смысле слова), а также жанром и дискурсной интенцией. Таким образом, формируется особая интенциональность медиастилля (Клушина 2010), в котором креативность „вписана” в заданные рамки медийных форматов: замысленная автором идея при ее реализации „корректируется” жанром, форматом и другими медийными характеристиками. Таким образом, ведущая дискурсная интенция, с одной стороны, получает конкретные воплощения в отдельных разрозненных текстах различных авторов, а с другой – связывает эти тексты в единую систему.

Таким образом, интенциональность медиастилля создается тремя ведущими интенциями. И в каждом конкретном случае трансформируется в зависимости от реализации дискурсной интенции, но не распадается; она, напротив, организует архитектуру медиадискурса, который, как „текущие” часы на картине Сальвадора Дали, постоянно изменяется.

Интенциональная структура современного медиастилля носит универсальный характер. Современная система массмедиа наднациональна. Она построена по типовым лекалам: одинаково типологическое (нишевое) деление изданий на качественные, массовые и желтые. Практически не различается система жанров современных СМИ в любой стране. Медийные форматы также нельзя назвать культуроспецифическими. В современной системе массмедиа нивелируются различия в культурах разных стран. Поэтому выделяемые нами ведущие интенции, моделирующие медиадискурс, характерны для медиастилля, независимо от национальных особенностей конкретного социума. В данном случае, в отличие от национального стиля, медиастиль не является уникальным, присущим какой-либо национальной культуре. В этом смысле медиастиль – феномен информационного общества, продукт глобалистской культуры.

Однако медиастиль – многомерный феномен, сложно организованный. Помимо интенциональной структуры медиасталя, мы предлагаем выделять и его нарративную структуру. Глобальный, трафаретный характер имеет только интенциональная структура медиасталя. Нарративная его структура, напротив, отражает национальный характер конкретного общества, конкретной культуры. Это проявляется в тематике, актуальной и интересной конкретному социуму, в подаче „историй” сквозь призму национальной идеологии (в широком смысле слова), апелляции к национальным символам и традициям, а также в выборе „героев”, чьи имена сами по себе воспринимаются как „свернутый” нарратив (например, Суворов, Петр I, Ленин и др.).

Нарратив – это рассказ, история, с определенным сюжетом, с конкретными персонажами. Медиастиль – это „сплав” нарративов, разворачивающихся в текстовом пространстве медиадискурса.

В медиастиле можно выделить *авторский нарратив* (интерпретацию журналистом раскрываемых им тем и описываемых событий), в который „вплетены” *нарратив очевидцев* событий (свидетельства обычных людей о происходящем вокруг них), *нарратив экспертов* (специалистов, оценивающих сложившуюся ситуацию) и *нарратив „героев”* (о ком идет речь в сюжете). Наиболее прозрачно и полнофункционально эта структура проступает в телевизионных материалах разных жанров (в выпусках новостей, в репортажах, в политических ток-шоу и т. п.).

Поскольку, повторим, медиастиль включает в себя и форматные медийные характеристики, то, в зависимости от типа медиа, к нему будут добавляться *музыкальный нарратив* (на радио), *нарратив комментариев* пользователей интернета, *видеоряд* как самостоятельный *нарратив* в телесюжетах. Д. Матисон пишет: „Репортаж не привязывается к отснятому видеоматериалу, поскольку видеоматериал сам по себе имеет свой собственный статус гиперреального изображения” (Матисон 2013: 157).

Это переплетение различных нарративов, объединенное авторской идеей, формирует полифоничность медиасталя и является, наряду с интенциональностью, его особенностью, отличающей его от других стилей.

Как мы уже отметили выше, наиболее полнофункционально нарративная структура проступает в телевизионных сюжетах. Газетные тексты не всегда включают все выявленные нами типы нарративов. Хотя, нужно отметить, все чаще печатные тексты, конкурируя с наглядностью и *види-*

мой достоверностью телевидения, инкорпорируют (интегрируют) в себя видеонарратив – фото, инфографику, коллажи, т. е. остановленные мгновенья наблюдаемой реальности. Также часто можно встретить в газетных материалах переплетения авторского нарратива с нарративом очевидцев или нарративом экспертов.

Приведем пример, выбранный нами методом случайной выборки и тем не менее оказавшийся весьма показательным.

В статье Дмитрия Лемешевского *С Порошенко будет не просто договориться* авторский нарратив разворачивается подчеркнуто нейтрально. Журналист оперирует цифрами и не позволяет себе давать оценки: „По предварительным данным с результатом в 54% на выборах президента Украины побеждает глава кондитерской компании Roshen Петр Порошенко. Юлия Тимошенко набрала около 13%, поэтому с большой долей вероятности можно сказать, что второго тура не будет [...]” (Лемешевский 2014).

Вся статья построена на чередовании нарративов экспертов – украинского политолога Андрея Окары („– Уникальность этих выборов в том, что кандидаты практически не вели активную агитационную кампанию, – рассказал Metro политолог Андрей Окара. – Это были не выборы лучшего из худших. Порошенко стал во многом компромиссной фигурой [...]”) и директора российского Международного института политической экспертизы Евгения Минченко („– Это попытка сохранить модель управления страной, которая сложилась еще при Кучме, когда у власти были олигархические кланы, – говорит Минченко. – Экономического базиса для сохранения этой модели не существует. Такой режим не может быть устойчив. Я не думаю, что Порошенко долго просидит в своем кресле, страну ждет еще не один Майдан [...]” (Лемешевский 2014)).

Подобная нарративная организация статьи позволяет автору претендовать на объективность, поскольку он представляет разные, порой противоречивые прогнозы заинтересованных сторон (России и Украины). И только заголовок отражает авторскую идею и авторскую позицию.

Но каким бы нейтральным и объективным ни хотел предстать автор-журналист, он скорее всего отразит национальную специфику истории.

В теории постмодернизма (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.) есть положение о „смерти автора” и деконструкции

текста. Это очень ценные идеи для объяснения нарративной организации медиастиля.

Отдельный журналистский текст имеет конкретного автора. Автор, реализуя свой замысел, подчиняет себе необходимые стилистические ресурсы (т.е. „присваивает” язык). И через выбор „идеологии”, номинаций, тональности, оценочности и интерпретации (понимаемой как стилистический вариант описания фактов действительности), автор старается убедить своего читателя в правильности (или хотя бы в правомерности) своего видения реальности (т.е. „удваивает” реальность, по Н. Луману). В конкретном тексте зафиксировано именно авторское прочтение мира. Но таких прочтений – открытое множество. Н. Луман пишет о системе массмедиа: „Как и в других функциональных системах, этот внешний мир остается операционно недостижимым, он не может включаться по частям и именно поэтому требует постоянных «прочтений»” (Луман 2012: 129).

Множество „прочтений” не может обеспечить отдельный текст. Но его может дать медиадискурс (в целом), если рассматривать его не только как совокупность / склад отдельных текстов, но и как объединение, переплетение, противоборство и наслоение нарратив-сюжетов, разворачивающихся вокруг события или героя. Чтобы из множества фрагментарных, разрозненных медиатекстов, которые формируют каждый раз новую повестку дня (ведь новая информация – одна из важнейших функций медиа) выстроить сюжет, нужно действительно „убить автора” и произвести „деконструкцию” текстов, сложив из них линейный метанарратив.

Так, например, если „демонтировать” приведенную выше статью Дм. Лемешевского *С Порошенко будет не просто договориться* (Лемешевский 2014 г.) и выделить в ней как *самостоятельные* авторский нарратив и нарративы экспертов (без авторской интерпретации), то нарративы экспертов предстают не как подтверждение авторской точки зрения, не как только лишь отдельные аргументы, а как независимая информация о происходящем, особенно если к ним добавить нарративы экспертов из других материалов других авторов, но на эту же тему. Таким образом, рефлексирующий читатель, в отличие от „наивного” читателя, может отстраниться от идеологического давления и манипуляции и сформировать собственное мнение.

Подобной рефлексии способствует и „отдельное” прочтение нарративов очевидцев. Сложенный из фрагментов прямых включений (синхрон) на

телевидении и цитат в газетах и прочитанный (просмотренный) как самостоятельный целостный линейный метанарратив, свидетельства очевидцев событий могут подтолкнуть независимое сознание рефлексизирующего читателя к совсем другим выводам и впечатлениям, чем те, которых добивается автор. Модусная рамка автора „обрезает” нарративы очевидцев, чтобы согласовать их с собственной интерпретацией, именно поэтому их следует рассматривать отдельно, чтобы избежать манипуляции (впрочем, не всегда и не обязательно осознанной) со стороны автора-журналиста.

Таким образом, нарративная организация медиастилля позволяет глобальной системе массмедиа избежать манипуляции, в отличие от национальных СМИ, выстраивающих собственную идеологию, нацеленную на консолидацию общества и поддержку правящей элиты, получающей через СМИ право говорить.

Таким образом, медиастиль через деконструкцию отдельных текстов и выстраивание из них линейных нарратив связывает медиадискурс в единую уникальную систему. Это сложная система, внутренние процессы в которой отражают максимально возможное объективное познание мира (через познание авторов-журналистов, очевидцев, „героев”, экспертов и пользователей Интернета), то есть отражают современное понимание объективной реальности.

Через прерывистость рассказов о событиях или героях, через, казалось бы, затухание фабулы и вдруг неожиданный взрыв напряжения и усиление интриги, через непредсказуемость кульминаций, складываются нарративы, рассказанные разными авторами и с различной интерпретацией. И через множество интерпретаций одного (исторического) сюжета проступает „морфология” медианарративов, наподобие „морфологии сказки” (Пропп 1998), выявляющая „очищенное” от субъективных переживаний разворачивание истории.

Различные нарративы одной истории, одного сюжета или одного события „наслаиваются” друг на друга и высвечивают факты (в точках совпадения, сгущения).

Разворачивание истории происходит в медиадискурсе, а не в отдельном медиатексте. Медиастиль связывает медиатексты в непрерывный мир, в котором герои творят историю, сюжетно и хронологически упорядоченную.

Медианарратив, в отличие от литературно-художественного нарратива, имеет открытый финал. В постмодернизме нарратор – носитель знания о финале. Фрэнк Кермоуд считает, что лишь существование определенного „завершения”, изначально известного нарратору, создает некое поле тяготения, стягивающее все сюжетные векторы в общий фокус. Медианарратив – интерпретация реальности, но не вымысел. Журналист может предвидеть, предполагать и даже предугадать финал описываемого им сюжета, но сам финал от журналиста-нарратора никак не зависит. Открытый финал медианарративов – это еще одна особенность медиастилия.

Таким образом, интенциональность, полифоничность, универсальность жанрово-форматных характеристик и национальная специфика нарратива – черты современного медиадискурса, которые обусловлены особенностями медиастилия. Именно медиастиль организует архитеконику медиадискурса в двух направлениях – интенционально и как линейный нарратив. Медиастиль – не жесткий заданный стандарт / прототип организации стилистических средств языка в медиадискурсе, а гибкий, динамический феномен, который каждый раз заставляет медиадискурс „подстраиваться” под реализацию заданной интенции и который „своевольно” формирует / выстраивает линейность нарратива, ломая авторские интерпретационные рамки.

Выводы

Медиастиль – отличительная особенность медиадискурса, понимаемого нами как совокупность созданных профессиональными журналистами текстов, функционирующих в медиапространстве.

Медиастиль – интегративный феномен, связывающий все тексты медиадискурса в сложную систему, которая отличается от других текстовых систем.

Мы видим уникальность медиастилия в его интенционально-нарративной структуре, которая моделирует дискурс в двух направлениях – интенционально (для реализации заданной интенции) и как нарратив („плетение” целостного сюжета в дискурсе из фрагментарной его интерпретации в отдельных текстах).

При формальном (схематическом) подходе к медиадискурсу ученые обычно отмечают видимую его фрагментарность, мозаичность, неупоря-

доченность, разрозненность и несогласованность, так как отдельные тексты не выстраивают целостную публицистическую картину мира. Но при нарративном подходе медиадискурс предстает как хронологически и сюжетно выстроенные истории с открытым финалом.

Выявленная нами нарративная структура отдельного медиатекста позволяет сложить („сплести”) из множества медиатекстов, то есть в дискурсе, медианарратив. Таким образом, деконструкция отдельного медиатекста позволяет конструировать целостный дискурс.

Нарративная организация медиастилия отражает его национальную специфику, в то время как интенциональная его структура не является уникальной, напротив – она типична для любой современной медиакультуры.

Универсальность, всеобщность и в то же время национальная специфичность медиастилия еще раз подчеркивает сложность этого феномена и открытость его для дальнейшего познания.

Литература

- Гайда Ст., 2012, *Интегрирующая стилистика. – Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика*, Москва.
- Клушина Н.И., 2008, *Стилистика публицистического текста*, Москва.
- Клушина Н.И., 2010, *Интенциональность современного медийного пространства – Слово есть Дело: юбилейный сборник научных трудов в честь профессора И.П. Лысаковой, т. 1*, Санкт-Петербург.
- Клушина Н.И., 2013, *Интенциональная конфигурация медийного пространства, „Политическая лингвистика” №2 (44), с. 40–46*, Екатеринбург.
- Клушина Н.И., 2014, *Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики. – Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография*, под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой, Москва.
- Лемешевский Д., 2014, *С Порошенко будет не просто договориться*, „Metro” 27 мая.
- Луман Н., 2012, *Реальность массмедиа*, пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Москва.
- Матисон Д., 2013, *Медиадискурс. Анализ медиатекстов*, Харьков.
- Пропп М.В., 1998, *Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки*, Москва.

Mediastyle and its intentional and narrative structure

In this article Mediastylistics as an independent scientific discipline which is a part of medialogia and stylistics is discussed. Integrative category of style is a basis for stylistics. Integrative category of mediastyle is a basis for mediastylistics. Mediastyle is more widely used than publicistic style which has been researched by functional stylistics. We are researching mediastyle by dividing the concepts of style and discourse. Mediastyle has an unique intentional and narrative structure. Intentionality of mediastyle shows its unique, narrative structure – its national content.

Keywords: *stylistics, mediastylistics, mediastyle, mediadiscourse, intention, intentional and narrative structures.*